

ПРОБЛЕМА ОТДЕЛЬНОСТИ СЛОВА В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

С. Б. Какваева

Кандидат филологических наук,
ассистент,
Дагестанский государственный
университет,
г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия

Summary. The article discusses the problem of the individual word, the definition of the word boundary, i.e. the distinction between words and morphemes, on the one hand, words and combinations of words, on the other. Also, various criteria are proposed for determining word boundaries: syntactic, graphic, phonetic, structural, morphological, semantic.

Keywords: graphic aspect; Lak language; morphological and semantic criteria; predicativeness; collocation.

Проблема отдельности слова заключается в определении его границ, количества слов в речевой цепи. Например, составляют ли *гъаз бан* ‘поднять’, *ялтту гъан* ‘перелиться’, *най ур* ‘идёт’, *увкӀун усса ур* ‘(говорят) он приехал’ одно, два, три слова.

Для определения границ слова предлагаются различные критерии.

В *графическом аспекте* слово определяется как последовательность знаков, ограниченных пробелом. Однако при условности орфографии и несовершенстве сами правил орфографии данный критерий не может считаться вполне удовлетворительным.

В *фонетическом аспекте* отмечается ряд признаков единства и обособленности слова: возможность паузы до и после слова; единое ударение; определённая слоговая структура; гармония гласных; определённые позиционные изменения звуков и тона; пограничные сигналы. Эти критерии по отношению к лакскому языку недостаточно изучены. Можно отметить, например, отсутствие паузы на стыке компонентов сложных слов типа *бусан-учин* ‘сказать’ (*бусан-учин кӀулсса* ‘умеющий убедительно говорить’) в отличие от сочинительной конструкции, где такая пауза присутствует (*бусан, учин – гъалгъалул глаголур* ‘рассказать, молвить – это глаголы речи’). Однако этот принцип оказывается не всегда надёжным. Например, в сложных словах, где второй компонент начинается с гласного, на стыке компонентов между согласным первого компонента и началом второго сохраняется пауза, т.е. на стыке компонентов не образуется слог (ср.: *мукъттуришва* ‘четыре тысячи’ – *мукъ/азарва* ‘четыре тысячи’, не: *мукъ/зарва*). Отсутствие лакском языке чёткого силового ударения не позволяет использовать данный признак в качестве критерия при разграничении слова и словосочетания. К разновидности гармонии гласных может быть отнесена регрессивная фарингализация гласных в слове при отсутствии её в словосочетании, ср.: *пӀякъ-шыкъ* ‘треск’ – *пӀякъ учин* ‘лопнуть’, не [*пӀякъ/оьчин*]. Данный критерий тоже невозможно признать надёжным,

поскольку он ограничен и в пределах слова (некоторые согласные препятствуют распространению фарингализации на последующие слоги). Поэтому можно констатировать отсутствие в лакском языке надёжных фонетических критериев разграничения слова и словосочетания.

В структурном отношении слово определяется как звуковая последовательность, в которую не может быть включена другая последовательность того же уровня. Структурная целостность (непроницаемость) слова предполагает, что его элементы не могут быть расчленены, переставлены или усечены без нарушения семантической или грамматической целостности. Однако в глагольной лексике принцип непроницаемости не всегда «работает»: проницаемыми являются не только сложные глаголы и аналитические формы, но и производные глаголы, например: *байбишин* ‘начать’ – *цукун байшинва/ бай цукун бишинва?* ‘как мне начать?’. Для отрицательной клитики проницаемы даже непродуцируемые глаголы: *къабувсунни* – *букъавсунни* ‘не сообщил’, *маучлара* – *умачлара* ‘не приходи’. Этот принцип неприменим и к случаям неморфологического выражения грамматических значений слова – аналитическим словоформам.

Морфологический критерий исходит из того, что морфологический показатель оформляет слово в целом, а не его часть или словосочетание (теория цельнооформленности слова Смирницкого). Но и этот критерий не является универсальным. В лакском языке цельность оформления наблюдается и в словосочетании, и даже в предложении – групповое оформление одним морфологическим показателем словосочетания или зависимой клаузы. Например, в атрибутивных сочетаниях по падежам изменяется только главный компонент: *кляламур аьнакли* (номинатив) ‘белая курица’, *кляламур аьнаклул* (генитив). Но при опущении вершины зависимый компонент, совмещая в себе значение и имени, и атрибута, начинает изменяться по падежам: *кляламунил* (эргатив) *ккунук бувну бур* ‘белая (урица) снесла яйцо’. Трансформации предикаций в нефинитные «оборот» при образовании сложных предложений подчинённого типа тоже представляет, на наш взгляд, групповое оформление зависимой конструкции путём замены финитного глагола его нефинитным коррелятом (причастие, деепричастие, конверб, герундий и др.): (1) *Ппу увклуни* (3 л., наст. перф.) ‘Отец приехал’ – (2) *Ттун клулли ппу увклишуву* (герундий) ‘Я знаю, что отец приехал’. При такой трансформации зависимая предикация теряет самостоятельную предикативность (утвердительность, наклонение и время) кумулятивно выражаемые в предикативных аффиксах (см. в (1) аффикс –**ни**). Предикативность, общую для всего сложного предложения, выражает предикат главной клаузы (см. –**ли** в (2): *клулли* (<*клулди* < **клулри*) ‘знаю’). Принцип «цельнооформленности» приходит в противоречие с фактом существования большого количества языков с «неморфологическим» способом выражения грамматических форм слова, т.е. наличием аналитических форм разных частей речи.

При *синтаксическом критерии* на первый план выдвигается способность отдельного слова быть либо потенциальным минимумом предложения (Л. В. Щерба), либо минимальной синтаксической единицей, т.е. членом предложения (Э. Сепир, Р. О. Якобсон). Данный критерий в таких языках, как лакский может быть признан одним из ведущих принципов выделяемости слова, в том числе и в аналитических конструкциях. Выделение так называемых служебных частей речи, которые чаще всего представляют собой клитики (типа союзной клитик –гу, «частиц» типа –**хха**, –**рив** и др., не дифференцирующихся «наречий-последлогов»), не всегда представляется вполне обоснованным. Этот критерий позволяет разграничить простые (выраженные отдельными, автономными словами) и составные члены предложения. Например, в фразе (3) *Мазран клул чув – чай, чал заллу – ахьтта* ‘Умелый на язык человек – на коне а хозяин коня – пешком’ члены предложения выражены словосочетаниями, в составе которых все компоненты являются автономными словами, но главные слова в словосочетаниях имеют общее, размытое значение (*чув* ‘человек, мужчина’, *заллу* ‘хозяин’) которое конкретизируется зависимыми компонентами, а всё сочетание выступает в роли одного члена предложения. Этот критерий требует учёта и при определении роли зависимого компонента в глагольных сочетаниях с зависимым инфинитивом. С одной стороны, такие сочетания могут быть аналитическими формами грамматикализированных морфологических категорий (см.: *чичлан ивклунни* ‘начал писать’ в парадигме категории фазовости), или составными сказуемыми, конкурирующими с наклонениями (см. (4) *Ттуца зуннийн учлан хьунссия* ‘Я бы смог зайти к вам’ – (5) *На зуннийн учлавияв* ‘Я бы зашёл к вам’). В исследованиях московской школы типологов (А. Е. Кибрик, К. И. Казенин) решение о статусе таких конструкций кажется не всегда обоснованным: зависимый инфинитив во всех случаях недифференцированно рассматривается как сентенциальный актанта зависимой клаузы. На наш взгляд, инфинитив в отмеченных конструкциях является или аналитическим сказуемым (в 4) в парадигме категории фазовости, или составным сказуемым, конкурирующим в своём модальном значении с наклонениями глагола.

Семантический критерий постулирует, что словом является всё, что выражает одно понятие. Однако этот критерий не позволяет отличить слово от фразеологизма и терминологического словосочетания, других составных единиц типа *оказать помощь*, которые исследователями называются коллокациями или дискрипциями. Эта группа составляет самую большую группу глагольных номинаций лакского языка, являясь не параллельным (стилистическим) способом выражения соответствующей семантики, а единственным способом именованя глагольных понятий. В этом случае появляется проблема разграничения свободного словосочетания и фразеологической единицы, например, *кумаг бан* ‘помочь, оказать помощь’ и (составной глагол) и *дак1 дан* ‘оказать моральную поддержку, утешить’ (идиома).

Библиографический список

1. Муркелинский Г. Б. Грамматика лакского языка. – Даучпедгиз, 1971.
2. Плулгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 3. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
3. Сепир Э. Язык. – М., 1934.
4. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890.

ВИДОВРЕМЕННЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

С. Б. Какваева

Кандидат филологических наук,
ассистент,
Дагестанский государственный
университет,
г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия

Summary. The article discusses the species-specific analytical forms of the Lak verb, which is characterized by the category of the species, which includes three types: perfection, iterative and dural. It is concluded that in the paradigm of species of temporal forms, analytical are the forms of the dural form of the present and past tenses.

Keywords: perfection; predicative affixes; infinitive; participle; auxiliary verb; dummy form.

Лакскому глаголу свойственна категория вида, включающая три вида: перфектив, итератив и дуратив. **Перфектив** представляет целостное действие, мгновенное (*агъан* ‘упасть’) или результативное (*чичин* ‘написать’). Перфектив образуется от корня: в инфинитиве за корнем следует тематический гласный, в корень, как правило, инфигируется классный показатель: *учлан* ‘прийти’ – *ппу* (1 кл.) *увкунни* ‘пришёл’, *ласун* ‘взять’ – *буттал дикI* (4 кл.) *ларсунни* ‘отец мясо купил’, *чичин* – *буттал чагъар* (3 кл.) *чивчунни* ‘отец письмо написал’. Итератив обозначает неоднократное действие, каждый акт которого является завершённым. В инфинитиве он характеризуется наличием суффикса **-ава**, в причастии и личных формах за корнем следует **-а**: *учлаван* ‘приходить’ – *учлара* (1и 2 л.ед.ч.); соотв. *ласаван* ‘брат’ – *ласара*, *чичаван* ‘писать (неоднокр.)’ – *чичара*. Дуратив обозначает процесс и образуется при помощи суффикса **-ла-**, который сохраняется во всех производных формах: *уклан*, *ласлан*, *чичлан*. При этом в глаголах, обозначающих мгновенное действие, форма дуратива приобретает значение регулярно повторяющихся действий.

В современном лакском языке дуратив имеет только аналитические формы, которые образуются от дуративного деепричастия и вспомогательного глагола бытия в варианте **ур/бур/дур** в утвердительных формах и **акъар/бакъар/дакъар** в отрицательных формах. Пример утвердительных форм: *уклан* ‘приходить’ – *уклай ур* ‘приходит’, *ласлан* ‘брат’ – *ласлай*